

В. П. Казарин, М. А. Новикова

Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского

Н. В. ГОГОЛЬ: «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» – КРУГ И ЧАША

Статтю присвячено подорожі М. В. Гоголя до Криму (1835) і рефлексіям «кримського тексту» України в повісті «Страшна помста» (1832). Розглянуто символи Кола, Чаші, Книги, а також символічну композицію повісті та її релігійно-філософський контент. Зібрано та проаналізовано документальні відомості щодо перебування Гоголя в Західному Криму, в селищі Саки, де він лікувався від депресії. Розглянуто кримські алюзії в гоголівській повісті. Паралельно зіставлено історичний та космічний час цього тексту. Дано нову інтерпретацію його сюжету у національному і крос-культурному аспектах.

Ключові слова: М. В. Гоголь, подорож до Криму (1835), «кримський текст» України, повість «Страшна помста» (1832), Данте, символи, Коло, Чаша, Книга, композиція, релігійно-філософський контент.

Статья посвящена поездке Н. В. Гоголя в Крым (1835) и отражению «крымского текста» Украины в повести «Страшная месьть» (1832). Рассмотрены символы Круга, Чаши, Книги, а также символическая композиция повести и её религиозно-философский контент. Собраны и проанализированы документальные данные, связанные с пребыванием Гоголя в Западном Крыму, в посёлке Саки, где он лечился от депрессии. Рассмотрены крымские аллюзии в гоголевской повести. Параллельно сопоставлено историческое и космическое время повести. По-новому интерпретирован её сюжет в национальном и кросс-культурном аспектах.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, поездка в Крым (1835), «крымский текст» Украины, повесть «Страшная месьть» (1832), Данте, символы, Круг, Чаша, Книга, композиция, религиозно-философский контент.

The paper deals with Nykolay Gogol's trip to the Crimea (1835) and the «Crimean text» of Ukraine in his tale “Dreadful Revenge” (1832). Under examination are its structure, symbolic system, religious and philosophical content. Factual data on Gogol's staying in Saq, the West Crimean village. There he got his cure against depression. Crimean allusions in his text are put under analysis. Historical and cosmic time are also compared. The plot of the story is given a new interpretation in the national and cross-cultural aspects.

Key words: Nikolai Gogol', The Crimean trip (1835), the “Crimean text” of Ukraine, the tale “Dreadful Revenge” (1832), Dante, structure, symbolic system, religious and philosophical content.

1.

Во время Международных филологических конференций, периодически проходивших в последние десятилетия в Западном Крыму, в небольшом курортном городке Саки (крымскотатарский топоним – Saq, Сакъ), сложилась добрая тради-

ция: участники возлагали цветы к памятнику Н. В. Гоголю (проект заслуженного художника Украины, почётного гражданина города Саки, киевского скульптора Петра Федосеевича Мовчуна). К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя (далее – НГ) в газете «Слово города» была напечатана на целую полосу статья известного краеведа, многолетнего директора местного музея Л. Д. Юдиной, автора множества публикаций и книг о Саках. В статье были указаны традиционные источники, содержащие сведения о пребывании НГ в Крыму в июне-июле 1835 года (главным образом, письма и воспоминания современников [8; 22]). Другого фактического материала о пребывании НГ в Крыму, по мнению Л. Д. Юдиной, нет. Она же резюмировала: «Посещение Тавриды <...> не отразилось, к сожалению, в его (Гоголя – Авт.) творчестве» [37, с. 5].

Последнее утверждение, на наш взгляд, столь же неверно, сколь и общеупотребительно. Не будем трогать херсонских отсылок НГ в «Мёртвых душах», хотя степная Херсонщина административно входила в состав Таврической губернии (так называемая, Северная Таврия) [9]. Вспомним фантастическую, но *небезосновательную* «Симферопольскую и Карасубазарскую» епархию в «Беге» М. А. Булгакова [1] и *Корсунский* монастырь на Херсонщине, якобы подчиненный тому же епископу. *Степной* Крым в российском и европейском культур-мышлении XVIII-XIX и даже начала XX века явно тяготел к *степной же* Украине-«Малороссии». Вспомнить можно и гоголевские крымские рефлексии: казацкие походы в «Тарасе Бульбе» (особенно походы «былые», ретроспективные [16]), «шаровары, шириною в Чёрное море, с тысячью складок и со сборами», которые надевают перед отъездом в Запорожскую Сечь сыновья Тараса – Остап и Андрий [10, т. II, с. 51] и другое.

Не был Крым забыт писателем и позже. С конца 1840-х годов, когда его здоровье опять пошатнулось, он снова стал думать о поездке на юг. Главной причиной, которая препятствовала осуществлению планов НГ, была нехватка денег. 3 октября 1851 года в письме матери он подводит черту под своими планами вновь посетить полуостров: «На прожитьё в Крыму вряд ли бы достало средств» [10, т. XIV, с. 254].

Меньше чем через пять месяцев писателя не стало. Поневоле подумаешь: а не мог ли Крым продлить его жизнь?

Но всё это уже тема для отдельной статьи, и мы надеемся к ней вернуться. Сейчас мы хотим обратить внимание на другой – удивительный – факт: Крым получил «отражение» в творчестве НГ за три-четыре года *до того*, как писатель его посетил. Речь идёт о повести «Страшная месть». В её XIV главе рассказывается, как после убийства Колдуном своей дочери Катерины – «показалось» за Киевом «неслыханное чудо», посмотреть на которое собирались «все паны и гетманы»: «<...> вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Чёрное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою поднимающийся из моря, и болотный Сиваш». Видны стали и «земля Галичская», и Карпатские горы, и «самая высокая гора» Криван (фигурирует в повести четыре раза: в главах XII, XIV, XV, XVI) [10, т. I, с. 275].

Показательно, что на Юге «бывалые люди» различают не только синее Лиман, а за ним – Чёрное море (ещё трижды будет упомянуто в главах IV, IX и XV) и Крым (он назван также в главе XV), «горою поднимающийся из моря» (имеется в виду «святая» гора Чатыр-Даг, отражённая в многочисленных преданиях и знаменитом сонете Адама Мицкевича). Видят «бывалые люди», в молодости

¹ Сиваш берёт начало на Северо-Западе Перешейка, у с. Малый Чакрак, и продолжается на Восток, вплоть до так называемого Чонгарского Моста (косы). Сразу же от Чонгара начинается Гнилое море. С Востока оно ограничено Арабатской косой. На картах и в быту эти два названия (Сиваш, Гнилое море) часто взаимозаменялись.

воины и чумаки, и так называемое море «Гнилое»: Сивашскую затоку со стороны Арабатской стрелки и Азовского моря¹. Кстати, для Сиваша это также второе упоминание в повести, первый раз он фигурирует во II главе как «Солёное озеро» в рассказе о битве Сагайдачного с ордой. Названо Гнилое море («болотный Сиваш») в повести об истории Украины недаром: это район *многoveковых* соляных промыслов и чумачества² [21].

При чем же тут Саки? А при том, что сам НГ, вернувшись в Полтаву, своё пребывание в Саках описывал так: «Был <...> в Крыму, где пачкался в минеральных грязях» [10, т. X, с. 369]. Грязи, соль, рапа – вот основные природные особенности Крымского перешейка и омывающих его кос, лиманов, заток и грязевых озер.

В 1835 году НГ на личном опыте познакомится с тем, что он так провидчески, на основании легенд и путевых очерков, описал ранее.

2.

О своём пребывании в Крыму НГ оставил ещё несколько не менее таинственных строк.

Вернувшись в родную Васильевку, в письме от 11.07.1835 в Харьков, профессору И. И. Срезневскому, НГ сообщает: «<...> я намерен отдохнуть после поездки моей в Крым, где *странствовал для здоровья и для того, чтобы повидать его* (выделено нами. – Авт.)» [10, т. X, с. 368]. «Его» – это Крым, что ясно из окружающего контекста. Удивляет, что слова эти НГ написал не до поездки в Крым (т. е. не в виде плана, мечты, намерения), а *после* таковой поездки. Спрашивается: где же он «странствовал» по Крыму? И почему НГ так важно было «повидать его»?

Уже не из Васильевки, а из не менее родной Полтавы, практически одновременно, с разницей в четыре дня (письмо от 15.07.1835), НГ напишет в Петербург, поэту и литературному наставнику многих стихотворцев золотого российского века – В. А. Жуковскому: «*Всё почти мною изведено и узнано* <...> (выделено нами. – Авт.)» [10, т. X, с. 369]. Сказано это о том же Крыме, и сказано словами ответственными и также загадочными: «почти всё» (!) «изведено» (?!!) и «узнано» (?!). Оставим в покое слово «узнано», его можно объяснить чтением дорожных заметок других путешественников по Крыму. Но «изведено» как понимать? Что мог НГ «изведать» в глухой сакской степи? В том Крыму, куда попал первый и последний раз в жизни?

Правда, ниже прибавлено в ином, шутливо-светском тоне: «Был только в Крыму (НГ собирался ещё на Кавказ. – Авт.), где пачкался в минеральных грязях. Впрочем, здоровье, кажется, уже *от одних переездов* поправилось. *Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество*, так что <...> много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтённою Вам. Через месяц я буду сам звонить в колокольчик у ваших дверей, крехтя от *дужей тетради* (выделено нами. – Авт.)» [10, т. X, с. 369].

Итак, из второго письма можно извлечь, по меньшей мере, следующую информацию. 1. НГ действительно (а не только в мечтах) собирался путешествовать по Крыму. 2. Он действительно по Крыму пропутешествовал. 3. Плодом этих путешествий стали многочисленные наброски. 4. Наброски эти сделаны не в форме отдельных строк или беспорядочных фрагментов, а в форме «сюжетов и планов», то есть относительно законченных тематико-композиционных «дайджестов» (как сказали бы мы сегодня). 5. Их он уже через месяц собирается представить на суд наставника.

² Соляной промысел в Присивашье восходит к VIII-V вв. до н. э. Основные участки соледобычи занимали север Арабатской стрелки. См. карту: [21, с. 46].

НГ любил мистификации. Может быть, он хотел «поиграть» с В. А. Жуковским, сочинив свои «перезды» по Крыму? Зарезервируем и эту гипотезу. Однако учтём, что В. А. Жуковский вскоре сам побывает в Крыму (1837) и что о Крыме к тому времени накопилась немалая литература путешествий. Розыгрыш был бы в этих условиях делом нелёгким. А если розыгрыша не было? Тогда можно повторить вопросы: где же и когда же всё это с НГ происходило? Неужели в Крыму? В том самом Крыму, о котором «общеизвестно», что НГ ничего о нём не написал? Вдобавок, грязелечение – процедура весьма изнурительная, к тому же идущая под строгим контролем врача. В Саках все грязевые процедуры курировал тогда заботливый и требовательный доктор – Николая (Николай Антонович) Оже (1800-1853)³. Крайне сомнительно, чтобы пациента, находящегося в полном упадке сил (а именно в таком состоянии приехал в Саки НГ), притом в разгар лечебных процедур, доктор Оже отпустил «повидать» Крым.

Второе недоумение. После Пушкина Крым практически всей русской литературой первой половины XIX века воспринимался как романтический «волшебный край». В Саках «изведать и узнать» об этом крае «почти всё» было, конечно же, немыслимо. Каким же образом сумел тогда НГ не просто интеллектуально «узнать» о Крыме «почти всё», но также «изведать» всё таинство этого края? Напомним снова: о своём крымском опыте НГ пишет не кому-либо, а знаменитому поэту, мистика и романтику...

С такими – доселе не решёнными – биографическими загадками мы переходим к загадке следующей, поэтологической. Попытаемся разгадать смысл гоголевской «крымской рефлексии» на языке не только романтизма, но и тысячелетней символики.

3.

Действие в «Страшной мести» происходит не на Юге. Чтобы увидеть «Гнилое море» из Среднего Поднепровья, нужен глобальный катаклизм Земли. Окоём (украинский «овид») должен окаймить не выпуклый участок шарообразной планеты, а гигантскую *впадину*. Её центр (он же дно впадины) занимает обычная равнина. Зато море (сливаясь с небом) поднимается чудесным образом вверх – на кромку кругозора. То есть перед участниками эпизода и нами, читателями, возникает огромная *чаша*.

Чаша (с окоёмом по краям) – древнейший символ «всесвіту», всего «белого света». В «свёрнутом», вещном виде то же значение (*нeмeтaфopичecкoe!*) несёт чаша Причастия (Потир [28]), чаша Евхаристии. Её также поднимают кверху «о всех и за вся». Аналогично, чаша в «Страшной мести» вмещает в себя всю Украину – с Карпатами на Юго-Западе и *вставшим* не то Чёрным, не то Азовским морем на Юго-Востоке. Возникает откровенная аллюзия на воды Красного («Чермного») моря в Библии. Оно тоже встало и разомкнулось перед евреями во время их Исхода из Египта, а затем сомкнулось и поглотило колесницы фараона⁴. Так и гоголевская Чаша предвещает гибель Колдуна.

В процессе создания данной работы авторы получили немало ценных дополнений и уточнений от своих коллег. Пользуемся случаем выразить им всем нашу признательность. Так, профессор Т. Н. Потницева (Днипро) предложила несколько дополнительных соображений в пользу выдвинутой нами интерпретации гоголевской повести. В частности, она справедливо отмечает, что «одна из первых проекций взгляда <...> снизу вверх» идёт у Н.Г. «с левобережной (низменной)

³ О Николая (Николае Антоновиче) Оже, «добром докторе» Сакской грязелечебницы в гоголевские годы см.: Стома А. Н. [30].

⁴ Исход, XIV, 21-22. Об этом эпизоде как о центральном чуде всего Ветхого Завета см.: Аверинцев С. С. [3]; Beyerlin W. [38].

стороны Днепра на сторону гористую, правобережную». Но ведь на тех же горах была заложена Киево-Печерская Лавра и сам Киев, прозванный в древности «новым Иерусалимом». Получается, что в картине мира повести главная святыня православной Киевской Руси и главная священная высота Крыма – гора Чатыр-Даг (или, по-гоголевски, «гора Крым») – увиденны одинаково: снизу, из грешного земного мира «оболони», «гнилого моря», «грязи», – вверх, в мир горный и горный, «правый» и святой.

В этой священной, сверхзначимой топографии повести гора Криван (гора Карпатского Всадника) противопоставлена не только святым Киевским горам. Ей противостоит и Чатыр-Даг: гора, которую Адам Мицкевич с формульной точностью и символической мощью назвал в своём сонете «минаретом вселенной». Путешественники, побывавшие в Крыму (будь то поэты или чумаки), все слышали о том, что крымские греки поставили на вершине Чатыр-Дага часовню в честь Богоматери «Всесвятой». Раз в году православные совершали к этой часовне крестный ход. Так сам Крым (как и сама Украина-Русь) неоспоримо становились Чашей, возносимой к Небу «о всех и за вся».

Но и зло пытается овладеть святынями, принудить их «работать» на себя. Проникнувши на киевской свадьбе сына есаула Горобца внутрь священной Чаши, Колдун *отравляет* её своим присутствием: «"Беда будет!" говорили старые, крутя головами» [10, т. I, с. 245]. Инвертируется сам *свадебный обряд*⁵, описанный НГ в главе I повести «Страшная месь». В сердцевине своей он содержит *причастие* брачующихся. Во время заколдованной свадьбы из отравленной чаши выпьют и Данила (он утрачивает смысл своего существования), и Катерина (она не сможет сопротивляться чарам отца).

Для начала, однако, скажем не о собственно чаше, а о круге [32]: о *кругозоре* как рамке картины мира НГ – по крайней мере, в «Страшной мести». Кругозор – и впрямь древний символ всего «белого» (т. е. дневного) света. Объясняется это просто. Кругозор – граница *видимости*, а то, что видимо – оно человеческое, живое, реальное, «своё» [15]. И обратное: всё, что *невидимо* (или зрительно *искажено*), как раз потому выглядит нечеловеческим, не живым, ирреальным, «чужим».

В этом смысле гоголевская Чаша – кругозор *нормальный*. Но особый: это кругозор с *высоты*. Так – сверху – видит «долину слез» в Адской части своей «Божественной комедии» Данте⁶ [16].

Дантовское сравнение для мира «Страшной мести» вполне актуально [12, с. 468; 13, с. 349]. *Правильному* кругозору лучше видно всякую неправильность. Сакские грязи исцеляют, сивашская соль возвращает вкус – обе они работают именно в *правильном, нормальном* направлении. Колдун делается уродливым,

⁵ Хождение жениха и невесты вокруг аналоя в центре храма символизирует и всё земное время (мотив Круга-Часов), и всё земное пространство (мотив Круга-Окоёма), которое они обещают пройти совместно. В свидетели же этого обета они берут Книгу – Евангелие, которое лежит на аналое. В гоголевском сюжете обета не исполняют оба персонажа. Ни Катерина, ни Данила не делятся своими чёрными думами со своим духовным отцом, не советуются с ним, не исповедуются ему. Не советуются они и с Небесным Отцом, чье Слово лежало перед ними и ждало их. Обряд остался для них обоих «обычаем», а не мироустройством [5].

⁶ «Долина слёз» – образ, возникающий у Данте в I части «Божественной комедии». С одной стороны, эта долина – воронка Ада. С другой стороны, она перевернётся, как песочные Часы, после того, как Поэты (Данте и Вергилий) достигнут её дна. Воронка превратится в Гору Чистилища: в дорогу духовного восхождения, ведущую к Земному Раю. А Рай Земной станет преддверием на пути к Раю Небесному. Столь же диалектична символика Круга и Чаши у Гоголя.

старым и горбатым в центре гоголевского мира: именно там и тогда – где и когда уже не может не проступить *истинный* облик, *подлинная* суть всякого человека.

Оттого Чаша у НГ сущностно и функционально *противоположна* зеркалу Азazelло в «Мастере и Маргарите» у М. А. Булгакова. Для Азazelло, демона смерти и зла⁷ [2], *реальны* только смерть и зло. Для НГ Чаша-Украина сама по себе не может быть ни ужасом, ни уродством. Функционально она подобна сакским грязям. Те «выпаривают», выводят наружу и тем самым уничтожают внутренние, скрытые слабости и недуги человека. Чаша, «явившая» миру горбатого Колдуна, тем самым уничтожает одну из самых опасных чар зла – чару чёрной тайны.

Помимо того, Чаша у НГ полным-полна, и полна она особой полнотой. Чтобы уяснить эту полноту, придётся перенестись временно в другой священный центр – британский: на равнинные пустоши Солсбери. Туда, где высится памятник доисторической архаики – Стоунхендж [34].

Стоунхендж – гигантский кромлех, т.е. круг. Образован он двумя дугами вертикальных каменных плит. Те, в свою очередь, сгруппированы по три, составляя ворота-трикамни, – по-научному, трилиты. О каменных чудесах Стоунхенджа можно рассказывать долго. Но не они являются сейчас предметом нашего интереса. И не еще более обширные круги (иногда – из стоячих камней, иногда – из валов, курганов или тех же кромлехов) – круги, исчертившие всю Солсберийскую равнину. Вместе со столь же доисторическими дорогами (так называемыми «аллеями процессий») круги эти доходят до британских берегов Атлантики и перешагивают на противоположный берег, во французскую Бретань...

Все эти магические круги (а вдобавок к ним – круги «допотопных» памятников Шотландии и Ирландии) изучали совместно британские геофизики и британские археологи. Геофизики учли, что все «чудеса могучей природы» (А. Н. Островский), породившие на поверхности «чудеса» ландшафта и культурно-исторических памятников, уходят вглубь: к «чудесам» земных недр, хранилищ «предыстории». А археологи, идя вслед за геофизиками, нарисовали карты ожидаемых, прогнозируемых находок. Ибо те залегают не где попало, а выстраиваются вдоль геофизических маркеров Земли: магнитных аномалий, тектонических сдвигов, термических скважин, грязевых вулканов и т. п. Пониманием этого рождён в XII-й главе «Страшной мести» рассказ НГ о том, как по всей Европе через давно обжитые людьми территории Польши и Германских земель, Венгрии и Румынии «идут рядами высоковерхие горы», «каменными цепями» перекидывают они «вправо и влево землю и обковывают её каменной толщей» [10, т. I, с. 271].

Крым здесь не исключение [24]. Украина тоже [31]. К огорчению филологов и культурологов, подробные геофизические карты до сих пор остаются секретными документами военных и специальных ведомств. Но наметить (по описанной британцами методике) хотя бы *очертания границ* символической гоголевской Чаши – можно. Сделать это можно именно потому, что границы эти символические⁸.

В картине мира «Страшной мести» имеются, как и положено в символической метафизике, три фиксированные точки. Во-первых, это Центр – Киев и Киево-Печерская Лавра. Во-вторых, это ближняя Граница – Черное море и Крым. В-третьих, дальняя Граница – «самая высокая гора» Криван (одна из вершин Высоких Татр – отрогов Карпат на территории Словакии). Легенда гласит: возле этой горы как раз и разверзается «бездонный провал». В гоголевской повести в провал этот злой Брат сбросил доброго Брата вместе с Ребёнком. А на посмерт-

⁷ Азazelло – итальянская форма имени Азazelь.

⁸ О том, насколько символика евхаристической Чаши пронизывала всё европейское мышление от Средневековья до XIX века включительно, см.: Джеймс Холл [35, с. 651].

ном суде уже добрый Брат запросит у Бога вечное проклятие на всех потомков Брата злого. Бог же выполнит эту просьбу, однако наложит на мстителя судьбу, тоже тяжкую. Отныне и до конца рода злого Брата – его добрый Брат с Ребёнком на руках займёт место на Криван-горе и не сможет ни умереть сам, ни похоронить Сына...

Итак, у нас есть три «роковые» точки гоголевского мира, а отсюда и гоголевского сюжета. Возьмём циркуль. Разведём его на эти расстояния (памятуя, что мир мифа – не мир одних только реалей, но без них он не обходится). И тогда мы очертим два Круга – Малый и Большой. Те, что после гибели Катерины внезапно открылись не только избранным, «панам и гетьманам», но и простому люду. И не забудем: «Страшная месть» (имевшая в первом издании «Вечеров» подзаголовок «Старинная быль») вместе с «Тарасом Бульбой», «Вином» и всем «Миргородом» увенчивает диканьско-петербургско-варшавско-крымскую Вселенную НГ.

Для понимания гоголевской символики важно учитывать трактовку Круга и Чаши в православном богословии и иконописании, о чём говорил, обсуждая с нами данную работу, директор Международного института афонского наследия в Украине С. В. Шумило. Издавна круг (сфера), не имеющий ни начала, ни конца, является важным символом в православной иконе, означающим Вечность, вечную жизнь, вечное Царство Небесное (Рай). Круг символизирует и вечную, непреходящую Божественную славу. Нередко на православных иконах в круглую сферу заключено восемь оболочек, что обозначает по числовой христианской символике «преизобилующую полноту» Божественного бытия. Чаша же в православной иконописи, подчёркивал С. В. Шумило, символизирует жертвенную любовь и искупление, таинство Евхаристии. В ней пребывают Тело и Кровь Христовы, через причастие которым человек обретает спасение и жизнь вечную в Боге (Чаша на «Троице» Андрея Рублёва).

4.

Как же выглядят на этой символической карте ближние и дальние границы «Украинского края» (НГ использует это именование в самом начале главы XII) – края гоголевской Чаши?

Начнём с Большого Круга. Его границы обозначены в «Страшной мести» сначала в главе IV, когда НГ перечисляет народы, чьё оружие известно Даниле: это турки, крымцы, ляхи, христиане и «славный народ шведский» (жива, жива украинская память о Северной войне!). К христианам, естественно, относятся и запорожцы. Их в главе I представляет приехавший из Сечи после битвы с «королевскими шляхтичами» казак Микитка. В XII главе границу обозначают Польша, «многолюдный город Лемберг» (сегодняшний Львов), Валахия, Седмиградская область, «немалолюдный народ венгерский», в XV главе к ним добавляется «Турецкая земля».

Малый Круг мы будем рассматривать посолонь, с северо-восточных границ Украины. На том же расстоянии, что и Гнилое море, на Северо-Востоке окажется Харьковщина, или иначе – Слобожанщина [17]. Дальше к Югу это будет Донецк⁹ [17, с. 61-63]. Ещё дальше окоём пойдёт по землям Войска Донского и Запорожского казачества, пока не выйдет к Бердянску¹⁰ [17, с. 100101]. Бердянск – го-

⁹ В конце XVII в. Донецк – поселение реестровых (оседлых) казаков. С середины XIX в. – рабочий посёлок угледобытчиков Юзовка (по имени владельца шахт, англичанина Джона Юза). Ко времени пребывания Гоголя в Крыму, Юзовка – «угольная кормилица» всего Юго-Востока Украины.

¹⁰ К концу 1820-х годов Бердянск – посёлок на побережье Азова. В 1841 г. он приобрёл статус города. Специализировался как порт на вывозе полезных ископаемых и сельхозпродуктов Востока и Юго-Востока Украины, а также как грязелечебный курорт.

род молодой. Ко временам НГ (точнее, в 1841 году) он только-только получил городские права. Как порт он предназначался прежде всего для вывоза полезных ископаемых: угля, руды – и сельхозпродукции.

Дальше на Юго-Востоке расположено то самое Гнилое море. Окаймляют его соляные промыслы. На Юго-Западе, почти симметрично Бердянску, на гоголевском Кругу находится Измаил¹¹ [17, с. 179]: форпост Оттоманской Порты, ключ к Подунавью (наряду с Аккерманом-Белгородом, ключом к Поднепровью). В военном отношении Измаил был пунктом настолько важным, что заслужил – при его штурме – участие А. В. Суворова; в литературном отношении город заслужил целый эпизод в поэме Джорджа Гордона Байрона «Дон Жуан».

На собственно Западе в гоголевский Круг влетает Ужгородщина [17, с. 93], ключ к южным Карпатам и Потисью. Тут уже можно в полной мере говорить о замках (ср. замок Колдуна) – на Поднепровье замков, естественно, не было. В двенадцати километрах от Ужгорода донныне стоит исторический памятник – Невицкий замок (XIII в.), а в двадцати километрах – Середнянский замок, основанный орденом тамплиеров (XII-XIII вв.).

На Северо-Западе тот же Круг выходит на земли Беларуси [27, с. 40, 48, 49, 58, 82, 83, 175] (Витебск, Гродно). Ещё далее Круг захватывает Вильнос (былое Вильно). Применительно к Крыму стоит вспомнить, что в 1810-е годы Виленский университет воспитал плеяду «филоматов» (литовских оппозиционеров с философским уклоном). Оттуда был выслан филومات Адам Мицкевич, попавший позднее в Крым (который принесёт великому поэту и славу, и смерть) [23].

Далее, через Смоленск, Круг выводит нас к Калуге: к местам уже мордовским, лесным – и *топким*. «Калуга» (ср. «кал») означает грязевое, заболоченное место на реке. Завершается эта часть Круга Воронежем: столицей северного Черноземья, важнейшей точкой на международном (и, опять-таки, многовековом) «хлебном пути». Последнее время мы всё внимательней изучаем путь «шёлковый», путь «янтарный», но почему-то забываем о *главном* евразийском пути, кормильце десятков стран и племён: о пути *хлебном*. Ответвлением этого пути был Северный и Северо-Западный Крым. Крымская пшеница кормила Элладу, с Афинами во главе...¹²

В конце концов, Круг опять смыкается на Слобожанщине.

О чем же говорит этот Круг? Эта – вполне историческая и вполне мифологическая – Чаша! Быть может, о том, что Крым каким-то магическим образом – дистанционно! – «поставил» НГ его панорамное, космическое и метафизическое зрение (как пианистам «ставят» руки)? Разве нечто подобное не случилось и с Пушкиным? И с Лесей Украинкой? И с Адамом Мицкевичем? Вероятно, и со Львом Толстым. (Хотя с ним – Крымская война! – это случилось ещё нагляднее.)

Все они вначале как бы слегка коснулись Крыма (или Крым коснулся их), и ничего особенного не произошло. Но после происходило то, что уместнее всего назвать старинным духовным термином – *преображение*.

Перечитаем вновь поразительные слова НГ о Крыме: «Всё почти мною изведено и узнано». Кем это сказано? Человеком, лежавшим в сакской грязи, затем пившим травяной отвар, затем укрытым и потевшим – а в конце дня приходившим в себя после тяжелейшей процедурной нагрузки? Как и что могло быть при этом не только «*узнано*» (узнавать, как уже сказано, можно по книгам о Крыме

¹¹ Во время действия «Страшной мести» Измаил – турецкая крепость, ныне – город Одесской области. Находится в гирле (протоке) Дуная, в 80 км от Чёрного моря. В гоголевском Кругу Измаил зеркально-симметричен Бердянску (на оси Юго-Восток – Юго-Запад Украины). Центр Южного Подунавья.

¹² Об импорте зерна в античных Греции и Риме см.: Любкер Ф. [20, с. 536, 1052].

или из разговоров о нём), но «изведано»? То есть прочувствовано, пережито глубинами существа? Каким образом? Под заботливым присмотром камердинера Якима, под неусыпным контролем доктора Оже?..

Скорее всего, абсолютная разгадка этой крымской загадки НГ останется для филологии недостижимой. Но подступы к разгадке всё же возможны.

Обратим внимание на деталь, которую можно было бы счесть литературной метафорой, если бы она не была геологическим фактом. Саки – это рапа и минеральные грязи. Гнилое море – это рапа и соль. Донецк – это уголь и соль. Беларусь – это торфа. Смоленск – это торфа и болотное железо (откуда и пошло название города). Калуга – это снова драгоценные резервы будущих урожаев: болота и торфа. А Воронеж, Слобожанщина, степной Крым – это хлеб, плод этих подземных богатств, будущее этого древнего прошлого.

Польский поэт Юлиан Тувим написал блестящую «словотворческую фантазию» – «Зелень» (1936) [33]. В ней он продемонстрировал два процесса одновременно. Первый процесс – как из «корнесловий» десятков индоевропейских народов рождалось слово «зелень». Второй процесс – как сам объем понятия «зелень» рождался из реальности: из «алмазного угля», из «пойм», которые «помнят о Кентавре», из болот «подземного Полесья», из «спорости сада», шепнувшего греку слово «хлорос»...

Что-то схожее имеет место в картине гоголевского мира, текстуализировавшейся в образах Круга и Чаши. Зрение, обеспечившее Гоголю эту картину, действительно «поставлено» сверху, с неких надкосмических высот. И оно же выпестовано снизу: из почвы, из глубин народной истории и праистории. Там и там – всё и впрямь *узнано и изведано*.

5.

Возможен ещё один источник гоголевского «кругового» мотива. Относится он не к пространству, а ко *времени*. Именовался он «зегаром» и водился в украинском обиходе гоголевского периода, как мирском, так и монастырском. Впрочем, упоминают этот предмет и более ранние тексты. К примеру, Иван Величковский, филолог, поэт и священник XVII века (1630-1701), дед знаменитого старца прп. Паисия Величковского, – сочинял стихи специально к «зегарам целым» [6] и к «полузегарикам» [7, с. 255-262; 36, комм., с. 606-607].

Что же представлял из себя упомянутый «зегар» («дзигар»)? Это часы (от польского «zegar») разного времени и разного рода, начиная от песочных и водяных вплоть до сложных механизмов гоголевской поры. При содействии зегара монахи (в том числе затворники) читали молитвы «по часам». Конечно, церковные «часы» не совпадали с часами мирскими. Происходили они от библейского часоисчисления («час первый», «третий» и т. д.) [36].

В эпоху Барокко, в борьбе с протестантизмом, однако и под его влиянием, украинские и белорусские монахи, священники, даже епископы, архиепископы и митрополиты принялись сочинять молитвы рифмованные (и даже строфические). Зегар оказался удобен и тут. Он наглядно «привязывал» тематику молитв либо к цифрам часов, либо к Страстям Господним: событиям Страстной Среды, Четверга и Пятницы, распланным христианской традицией по библейским часам.

Ночью, с заходом солнца, часы в библейской Палестине начинали отсчитываться чередованием «страж». В Европе ко временам Барокко в городах уже горели фонари; фонарщики тоже уже совмещали должность следящих за освещением и следящих за временем. Ночные часы при обходе города протяжно возглашались нараспев (ср. «Каменного гостя» А. С. Пушкина или «Рюи Блаза» В. Гюго).

Определённую функциональную близость к «зегарам» («дзигарам») обнаруживает описанная Вл. Далем «зыга» («дзыга»): кружок или колодочка, насажен-

ная на стержень, которую вращают пальцами [11, I, с. 4-5]. Сегодня зыгу считают детской игрушкой. Но отчего же она водилась и в монастырях? Оттого, что выполняла совмещённую функцию чёток и часов.

Не исключено, что в Крыму кружальца-«дзыги» НГ мог видеть в натуре – и не обязательно в монастырях. Дело в том, что их конструкция (пришли они явно из Византии – быть может, из Афона) в точности повторяла конструкцию народных греческих пряслиц. У пряслиц была та же деревянная «колодочка», тот же длинный деревянный стержень, продетый в отверстие посередине. Привязанная нитка сама наматывалась на этот стержень, когда пряслице то приподымали, то опускали на весу. Под такое веретено можно было и беседовать, и молиться. «Колодочек» было две, одна на другой, и вдвоём они выполняли роль часовых стрелок.

Каждый «час» имел свой смысл, свою символику, свои молитвы [7]. Если «поставить» Гнилое море и Замок Колдуна у НГ на часах символического гоголевского Круга, по сторонам света, то Гнилое море займёт примерное место современных 5 часов, Замок – примерное место современных 9-ти. По библейскому исчислению это будет конец ночи, рассвет – и «первый час» утра. Соответственно, в католической традиции 5 часов утра – время Воскресения Христова. Эта часовая символика была использована Данте, Т. С. Элиотом и др. В православной традиции это также рассвет Воскресения. Но в Страстную Пятницу это ещё и время, когда верные ученики Христа, Иосиф Аримафейский и Никодим, пришли для Его погребения. А в Страстную Субботу это время, когда жёны-мироносицы приходят помазать ароматами Тело Христово и оплакать Учителя.

«Первый час» исторически – начало Страстей (то есть мучений) Господних. В символическом (точнее, в «анагогическом», то есть притчевом) смысле это конец старого мира, старого времени – и начало мира нового, века нового и «народа нового», христиан. Таким образом, гоголевский Круг, охватывающий огромное пространство, обнимает не менее грандиозное время, историческое и метафизическое. Он становится «зегаром» всея Украины-Руси.

Сакский доктор Оже рассказывал о чудесном действии крымской грязи. Она «совершенно исцеляет» больное тело. Оказывается, «низкая» символика грязи может стать «высокой», переключаться со священным, ритуальным веществом: «ливаном и смирной, ладаном и алое» (М. Зеров, сонет «Страстная Пятница»). Это специальный состав, «миро», для ещё одного таинства смерти, но также исцеления – для Миропомазания [14]

В Крыму греческие пряслица дожили не только до НГ, но и до авторов настоящего сообщения. Даже после депортации греков с полуострова в 1944 году в крымских домах втайне сберегали эти деревянные крестики-прялочки и вполголоса вспоминали – под их ритмичное вращение – исчезнувших хозяев...

Но какую значимость могло иметь подобное «коловращение времён» (и предельно бытовое, физическое, и предельно сверхбытовое, метафизическое) для мироздания НГ?

Христианское богословие давно придерживается догмата о том, что Библия – книга не просто для всех земных племён, но и для всех земных времён. В библейских текстах спрессовано не только время конкретно-историческое, ближневосточное, но и время «вечное», вселенское. Отец Павел Флоренский по-научному визуализировал эту идею, говоря о Круге (Крае) Вселенной. Там скорость движения тел доходит до скорости света, и время останавливается. Потому-то на краю ойкумены хранится всё наше прошлое «от сложения времён».

Флоренский был человеком многоплановым. Профессиональным учёным-«точником», притом в нескольких областях. Ярким гуманитарием. Репрессантом, не сломленным, хотя так и не вернувшимся из цепких объятий ГУЛАГа. Однако прежде всего он был священником. Поэтому ему, выходявшему столько раз во время литургии с Книгой (Евангелием) и Чашей (Причастия) [29], ему, столько

раз возглашавшему о жертвоприношении «о всех и за вся», то есть не только обо всех живущих, но и обо всех умерших, не только за прошлое, но и за настоящее и будущее, – ему, вероятно, мысль о таком «хранилище» всех времён не казалась ни фантастикой, ни риторикой.

Не кажется, по-видимому, подобное мироустройство ни фантастикой, ни «художественной условностью» и НГ. Ведь именно Книга в келье Затворника становится кульминацией событий в сюжете «Страшной мести». Именно Книга, Текст изгоняет Колдуна из настоящего: из времени, где Колдуну всё вроде бы удавалось и где он хочет (подобно эйзенштейновскому царю Ивану Грозному) получить индульгенцию за чудовищное прошлое, чтобы можно было безнаказанно повторять его в будущем. В конечном счёте это означает: мировое зло хочет (требует!) договориться с самим Богом.

И тогда гоголевский гений (его дар, а не собственность), гоголевский текст (им записанный, но не «сочинённый») слышат, как пришли в сопротивление Пространство и Время, которые ни при каких обстоятельствах не подвластны злу.

6.

Белорусский филолог и публицист Алесь Адамович две свои книги не считал «литературой». Первая – «Я из огненной деревни», вторая – «Блокадная книга». Обе состоят из документальных рассказов выживших. Первая говорит голосами чудом уцелевших жителей белорусских деревень, сожженных нацистскими карателями, вторая – голосами ленинградских блокадников. Обе эти книги Алесь Адамович называл «сверхлитературой». В виду он явно имел не только их документальность, невыдуманность, а особые взаимоотношения этих книг (цитируя Пушкина) с «жизнью человеческой, жизнью народной» (подробнее см. [25]).

Есть основания полагать, что в похожих отношениях находились с жизнью тексты НГ. Отсюда вытекали, наверно, и «сверхлитературные» ожидания их автора. Одними критиками они списывались на счёт гоголевской гордыни, другими – его нервных расстройств, третьими – на счёт зловредных поповских влияний. Историкам-гоголеведам ещё предстоит разобраться в указанных (и не указанных) гипотезах насчёт «сверхлитературы» Гоголя. Нас более всего интересует сейчас не субъективная сторона вопроса, – а она безусловно присутствует в любых работах о гениях любых эпох и народов, как и в творениях самих гениев.

Давайте, однако, присмотримся, как эти гении (в нашем случае – НГ) сами ощущают и показывают соотношение Жизни и Текста – прежде всего, «сверхтекстов». Таковых, вообще-то, немного. Это тексты *священные*: они «сверлитературны» заведомо, априорно. Это тексты национального *фольклора* – не все, а те, без которых ни сам народ, ни другие народы – данного народа не мыслят. Наконец, это национальная *классика*. Её критерии те же.

Между этими уровнями сверхлитературы существуют свои взаимопереходы. Скажем больше: иногда один (а то и два) этих «верхних этажа» исторически разрушались. Порой намеренно, порой стихийно. Тогда их духовную нагрузку принимал следующий, «нижний» этаж. Но народа, у которого не сохранился бы ни один из названных уровней национального самосознания, – такого народа история не знает. Его нет – он погиб. Осталось лишь «население» определенной «территории», наделённое некоторыми характерными антропологическими признаками.

«Страшная месть» – в известном смысле наиболее модельное произведение НГ. Это единственный гоголевский Сверхтекст, действующим (и говорящим!) лицом которого является Бог.

Тем показательней, что именно этот Сверхтекст сам преобразуется в действующее лицо. Сопровождает его целая серия других Сверхтекстов. Одни из них намного выше и могущественней, ибо принадлежат к уровню священного. Таков в повести текст-приговор Верховного Судьи (Бога) братоубийце и детоубийце.

Благодаря этому Сверхтексту в мире является Карпатский Всадник и «запускается» вся дальнейшая История, все её исторические сюжеты.

С другой стороны, этот же Сверхтекст становится фольклорной легендой. Подобным способом Гоголь как бы дважды устраняется от притязаний на собственное авторство. Его персонажам начертал их будущее Бог. Но будущее это таково потому, что они своими поступками сами выбрали – и продолжают в дальнейшем выбирать – свою жизнь, свою смерть и своё посмертие. Так гласит легенда.

Впрочем, эти акты выбора относятся не только к их собственным биографиям. Современный читатель подрастерял не столько знание, сколько *ощущение* религиозного контекста, в который были погружены читатели-современники Гоголя. А погружены в него были не одни лишь конфессионалы и традиционалисты, но и рьяные атеисты из числа так называемых «революционных демократов». Они могли насмешничать и даже кощунничать над святынями предков, однако при этом они хорошо ещё помнили и чувствовали, что имеют дело именно со святынями, – пускай «не их» святынями. (О разнице между восприятием антирелигиозным и безрелигиозным см. [26].)

И что же они видели в гоголевской повести?

Да то, что не Бог, а добрый Брат заказал для своего злого Брата *такую* смерть, *такое* посмертие и – в потомках – *такую* жизнь. Не Бог, а он, по сути, «сотворил» Колдуна. Включая *невозможность* для Колдуна раскаяться. Ведь именно добрый Брат не желает, чтобы Колдун спасся.

Но в ответ на это – *самому себе* добрый Брат «сотворил» и два других, наиболее страшных бессмертия. Об одном мы помним, и помним крепко. Настолько крепко, что даже сегодня оно заставляет нас содрогаться. Это бессмертие Жертвы, запросившей для своего Палача такую месть, которая закрыла для неё самой дорогу не только в рай, но даже в простую, «нормальную» человеческую смерть. Не помним мы – очень часто – о ещё одном бессмертии. О бессмертии невинного Ребёнка. Не запрашивавшего никакой мести. Но из-за жуткой изобретательности мстителя-отца разделившего его, отца, участь.

Сплошь да рядом мы забываем, что Карпатских Всадников – *двое*. Отец – и сын. Взрослый – и ребёнок. Убиенный сын убитого, возжелавшего стать Богом и самому вершить судьбу убийцы и всех его потомков. И тем самым уравнившего с их чудовищным бессмертием бессмертие собственного сына.

М. А. Булгаков, выраставший под «шинелью» Гоголя, не мог не помнить этого «фантазмагорического» пласта гоголевского сюжета. Потому нам так нелитературно страшно, когда в финале «фантазмагорического» романа «Мастер и Маргарита» булгаковский Мастер кричит Пилату: «Свободен!». Страшно, ибо у Мастера *нет полномочий* такую развязку давать, а у Пилата *нет оснований* её получать. Как раз такую – или подобную – развязку требует у Затворника (а через него – у Верховного Судии) гоголевский Колдун. Он страдает. И Пилат страдает. И оба хотят избавиться от страданий. При этом *для них* избавлению не препятствует тот факт, что Пророк останется распятым, а Ребёнок – висющим над пропастью. Впрочем, Пилат упрашивает появившегося Иешуа *отменить Сверхтекст*. Сказать, что «этой пошлой казни» в *жизни* не было. На что Иешуа (сделавшийся неведомо кем) мило соглашается...

Бог Гоголя менее мил, чем пророк М. А. Булгакова. Затворник ещё не успеваёт ответить Колдуну от своего имени, как за него отвечает Книга. Её буквы наливаются кровью. И Чаша: она гонит Колдуна по кругу, пока тот не упадёт на самое дно.

Колдун не в состоянии вымолить себе духовную свободу, ибо сам отдал себя в рабство злу. Он (повторим) не раскаивается – он пытается вернуться от наказания. Но разве не сам он снова и снова наводит это наказание на себя? Его не прощает Бог, поскольку сперва его должны простить Брат и Ребёнок. Но простить можно только раскаявшегося. А раскаяться означает отречься от колдовства и от власти, какую оно даёт. Этого не допускает проклятие Брата...

Так смыкаються вокруг исторического сюжета «Страшной мести» метаисторические Сверхтексты, – круг за кругом, шаг за шагом приближая Гоголя к Данте.

7.

Сюжет гоголевской повести завязывают и развязывают священные ситуации и тексты: оком сакрального. Его окаймляет легенда-притча о Карпатском Всаднике: оком фольклора.

А теперь взглянем ещё раз на структуру «Страшной мести», но с высот – или из глубин – её духовного сюжета.

Бегство Колдуна и космическая погоня за ним сил самой природы – сюжет, по структуре своей круговой. Гибель невинного младенца, внука Колдуна (эхо судьбы другого младенца, сына Карпатского Всадника), также составляет круговой сюжет. А сам круговой сюжет может принадлежать только одной картине мира – языческой. Он – отражение её жестокой справедливости, её безоговорочного фатализма.

Разорвать этот круг язычество было не способно. Хотя жажда подобного разрыва заявляла о себе задолго до утверждения христианства. И воплощает её тоже символ и тоже многовековой: по горизонтали подкова (или иначе – *меандр*), по вертикали – спираль (или *парабола*) [39, с. 132].

В письме-отклике на нашу работу Т. Н. Потницева вела разговор о том, как отразился символ разорванного круга в пейзажах гоголевской повести: в излуках Днепра, в образе словацкой горы Кривань (у НГ Криван – гора Карпатского Всадника). Мало того, подкова не только отражена, она прямо названа в «Страшной мести» в уже цитированном фрагменте XII главы: «Идут каменные цепи в Валахию и в Седмиградскую область и громадою стали в виде *подковы* между галлическим и венгерским народом (выделено нами. – Авт.)» [10, т. I, с. 271]. Ограничить распространение этого символа нельзя ни во времени, ни в пространстве. Добавим: во времени – знак разорванного круга появился в творениях культуры раньше, чем «в жизни» стали подковывать лошадей. Связывают этот знак с сюжетом выхода из лабиринта [19].

Перемещения персонажей в гоголевском «мир-городе» (или «чар-городе», заимствуя формулу у Б. И. Антонича) действительно подобны скитанию в лабиринте. Перемещения в историческом лабиринте напоминают походы-поездки-погоны в «Тарасе Бульбе». Его же моделируют вакационные странствия-полёты Хомя Брута в «Вие». О кружащем маршруте в «Страшной мести» неоднократно говорилось выше...

Но есть у этого мотива в гоголевском контексте и своя эволюция.

Круговращение в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ещё дышит языческой, природной радостью «вечного возврата», вечного возобновления вегетативной и человеческой жизни. Возврат этот как бы «отменяет» там вылазки Большой Истории, пытающейся затащить «природных» героев в своё антиприродное царство-государство.

В миргородском универсуме трагичен уже сам отгороженный «город» Истории. Утопична и беспечна здесь лишь Степь, да ещё Сечь: пространство, где История становится Мифом, где необозримые шаровары спящего казака разливаются Чёрным морем (как Степью и Морем раздвигается казачья свадьба в «Страшной мести»). Но в мире Истории множество украинских и польских городов, которые взаимно разрушаются воюющими сторонами, уже не беспечны и не радостны. Ужас замкнутого круга замещает радость круговорота в «Страшной мести». И тогда одно лишь жертвенное добро становится выходом из лабиринта.

Не бессмысленна гибель ребёнка Катерины (равно как и гибель детей Годуновых у Пушкина). Колдун (как и пушкинские политические заговорщики) смог убить детское *тело* – он не властен над бессмертной детской *душой*. Но главное: он и не по-

дозревает, что в момент убийства Ребёнка снимается вековое проклятие, перестаёт действовать Страшная Мечь. Последний из рода детоубийцы погиб, оплатив собою, безвинным, первое преступление, с которого и начиналась повесть.

Круг – исторический, легендарный, космический – разомкнулся. Вместо ожидаемого языческого возврата, ввысь к небесам взлетает финальная парабола, свидетельствующая: смерть – финал временный; смысл её (жизнеутверждение любви и добра) – финал вечный. Это же можно сказать о финале «Тараса Бульбы», где распятый отец – Тарас – не теряет, а *обретает* вечных своих сыновей-казаков. И даже финал «Вия» повествует не о бесполезной гибели Хомя, а об *убийстве* – *через гибель* – *страха* перед злом (заключительный разговор о ведьмах).

Страшная мечь, давнее проклятие, фатальное зло как бы замкнули в кольцо круг Киева, круг Украины-Руси, круг всего земного окоёма. Но святыня Лавры разрывает этот фатализм анти-любви. А с Юга, через историческую Руину, через Дикое Поле, открывается ширь и свобода Чёрного моря, возникает на краю горизонта «минарет вселенной» – «гора Крым». И тогда, словно остров Буян, вырастает из пучины бедствий стольный град Киев, в котором «блещут маковки церквей и святых монастырей». Его златоглавая Лавра, его Святая София, его Михайловский монастырь размыкают роковой круг страшного мира.

И посредине этого обновлённого, – золотого, белого и зелёного, – света «вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои» Главная река, славянский Иордан – Днепр. Разделяющая (но и связующая) мир живых и мёртвых, предков и потомков, людей и нелюдей, добро и зло. И пишет обо всём этом классик, сначала отыскавший заочно и своё, национальное, и общечеловеческое в рассказах чумаков и казаков о далёких «брегах Тавриды», а потом поехавший убедиться в их правоте в маленькую грязелечебницу¹³ маленького степного крымского посёлка Саки.

Классик, сделавший привычное – чудом, малое – великим, а тексты – Сверхлитературой, внутри которой мы живём и будем ещё жить не одну сотню лет.

Библиографические ссылки

1. *Абрамова Е. Ю., Новикова М. А.* Символика Исхода в русской литературе XX века: (На материале пьесы М. Булгакова «Бег») // Вопросы русской литературы. – Симферополь. – 2015. – № 3. – С. 61-71.
2. *Аверинцев С. С.* Азazelь // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1992. – С. С. 50-51.
3. *Аверинцев С. С.* Моисей // Мифы народов мира. Энциклопедия. – Т. 2. / Гл. ред. С. А. Токарев. – Москва: Советская энциклопедия, 1992. – С. 164-168.
4. *Адам Міцкевич.* 1798-1855 // Антология польской поэзии. Ред. кол. Микола Бажан (голова) та ін. Ред. та примітки Дмитра Паламарчука. – Київ: Дніпро, 1979. – Т. 1. – С. 109-111.
5. Брак // Полный православный богословский энциклопедический словарь. – Т. 1. – Москва, 1992 [Репринт]. – Стлб. 396-405.
6. *Величковський Іван.* Зегар целый, содержащ в себе часов 24 // Українська поезія. Середина XVII ст. Упорядники В. І. Кречотень, М. М. Сулима. – Київ: Наукова думка, 1992. – С. 258-260. – (Серія «Пам'ятки давньої української літератури»).
7. *Величковський Іван.* Полузегарик, содержащ в себе особ часи днешня, а особливо часи ношнія // Українська поезія. Середина XVII ст. Упорядники В. І. Кречотень, М. М. Сулима. – Київ: Наукова думка, 1992. – С. 260-262. – (Серія «Пам'ятки давньої української літератури»).
8. *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни. – Москва-Ленинград: Academia, 1933. – 529 с.

¹³ Следует отметить, что популярность Сакской грязелечебницы быстро росла. По данным Сакского музея, в 1844 году в ней прошли лечение уже 163 пациента.

9. Генеральная карта полуострова Крым. Составлена и гравирована в Военно-топографическом депо. 1847 г. Подготовлена к печати НПП «Картография» и А. П. Павленко в 1997 г. – Киев: Государственная картографическая фабрика, 1997.
10. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. – Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1937-1952.
11. *Даль В. И.* Дзига // Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1. – Москва. – С. 4-5.
12. Данте Алигьери. Божественная Комедия. Перевод с итальянского М. Лозинского. – Москва-Ленинград: ГИХЛ, 1950. – 579 с.
13. *Данте Алиг'єрі.* Божественна Комедія: Пекло. Переклав Максим Стріха. – Львів: Вид-во «Астролябія», 2013. – 352 с.
14. Елей // Полный православный богословский энциклопедический словарь. – Т. 1. – Москва, 1992 [Репринт]. – Стлб. 856-857.
15. *Иванов В. В.* Глаз // Мифы народов мира. Энциклопедия. – Т. 1. / Гл. ред. С. А. Токарев. – Москва: Советская энциклопедия, 1992. – С. 306-307.
16. *Казарин В. П.* Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории. – Киев-Одесса: Вища школа, 1986. – 127 с.
17. *Ковтун В. В., Степаненко А. В.* Города Украины. Экономико-географический справочник. – Київ: Вища школа, 1990. – 275 с.
18. *Крекотень В. І., Сулима М. М.* Иван Величковский. Примітки // Українська поезія. Середина XVII ст. Упорядники В. І. Крекотень, М. М. Сулима. – Київ: Наукова думка, 1992. – С. 606. – (Серія «Пам'ятки давньої української літератури»).
19. *Лаевская Э. Л.* Мир мегалитики и мир керамики. – Москва: Издание Свято-Андреевского института, 1997. – 263 с.
20. Любкер Ф. (сост.) Реальный словарь классических древностей. Под ред. Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. Перевод с немецкого. – СПб.: Издание общества классической филологии и педагогики, 1885. –1552 с.
21. *Магомедов Б. В., Кубишев А. І.* Соляний промисел в пізноримський час на Присiвaшші // Старожитності Русі-України. Збірник наукових праць. – Київ: Київська Академія євробізнесу, 1994. – С. 44-48.
22. *Маркевич А. И.* Н. В. Гоголь и В. А. Жуковский в Крыму // ИТУАК. – Симферополь. – № 34. – 1902. – 17 с. – (Отдельный оттиск).
23. Мицкевич Адам // Литературный энциклопедический словарь. Под. общ. ред. В. М. Кожекникова, П. А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – С. 633-634.
24. *Новикова М. А.* Загадки Криму: Джуфт-Кале і «кримські прями» // Мова та історія. Періодичний збірник наукових праць. Вип. 72. – Київ, 2004. – С. 40-46.
25. *Новикова М. А.* Интеркультура: когда огонь соединяется с огнем // Марина Новикова. Міфи і місія. – Київ: Дух і літера, 2005. – С. 223-257.
26. *Новикова М. А.* Соблазны: возрождение или вырождение // Пути просвещения и свидетели правды. Сборник статей. – Київ: Дух і літера, 2004. – С. 86-98.
27. *Поспелов Е. М.* Топонимический словарь. – Москва: Просвещение, 1988. – 224 с.
28. Потир // Полный православный богословский энциклопедический словарь. – Т. 2. – Москва, 1992 [Репринт]. – Стлб. 1867-1868.
29. Причащение // Полный православный богословский энциклопедический словарь. – Т. 2. – Москва, 1992 [Репринт]. – Стлб. 1911-1913.
30. Стома А. Н. Очерки Евпатории – Кто вы, доктор Оже? [Электронный ресурс] // А. Н. Стома. – Режим доступа: <http://evpatoriya-history.info/book/ocherki-evpatorii/kto-vi-doctor-oze.php> (дата обращения: 25.11.2017).
31. *Тищенко К.* Етномовна історія прадавньої України. – Київ: Аквілон-Плюс, 2008.
32. *Топоров В. Н., Мейлах М. Б.* Круг // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 2. – Москва: Советская энциклопедия, 1992. – С. 18-19.
33. *Тувим Ю.* Зелень. Перевод с польского М. Новиковой // С Богом и платочек. Книга стихотворных переводов. Сост. и пер. Марины Новиковой. – Москва: МХТ, 2000. – С. 7-12.
34. *Фарлонг Д.* Стоунхендж и пирамиды Египта. Пер. с англ. В. Медникова. М.: Вече, 2000. – 400 с. – (Серия «Тайны древних цивилизаций»).

35. Холл, Джеймс. Словарь сюжетов и символов в искусстве. Пер. с англ. А. Майкапара. – М.: Крон-Пресс, 1999. – 656 с.

36. Час // Библейская энциклопедия: в 2-х книгах.- Книга 2. [Репринт]. – Москва, 1891/1990. – С. 292.

37. Юдина Л. Д. «Был ... в Крыму, где пачкался в минеральной грязи» // Слово города: Городская газета. – 2009. – 27 марта. – С. 5.

38. *Beyerlin W.* Origins and History of the Oldest Sinaitic Traditions. – Oxford: Oxford University Press, 1966. – 209 p.

39. *Brewer's Book of Myth and Legend* / Ed. By J. C. Cooper. – Ind.: Cassell Publishers Ltd., 1992. – 309 p.

40. *Tuwim Julian.* Wiosny i jesienie. – Warszawa: Iskry, 1955. – S. 69-75.

Поступила в редколлегию 15.04.2018 г.